

ИВАН ГРОЗНЫЙ В МАНТИИ КАРДИНАЛА

Ярослав Барышев: "За царей премий не получал"

В красной с золотом мантии он вошел в гримерку. Посмотрел в зеркало, поправил грим, сличив его с портретным изображением своего героя. Хотя сам Ярослав Барышев — артист Малого театра — человек добрый, чувствительный и при этом с потрясающим чувством юмора. И тем не менее в Малом, где он служит много лет, ему достаются в основном роли первых, ну в крайнем случае вторых лиц государств. Сейчас он — кардинал Ришелье, а до этого успел стать дважды Иваном Грозным дома Островского. И про каждого он знает, кажется, все.

— Во время революции над кардиналом и его памятью надругались: разрушили гробницу, и сохранилась только кисть, голова и клок волос на ней, — говорит Ярослав Павлович. — Его черепом мальчишки играли в футбол. Такая судьба у Ришелье.

— Но меня интересует другой исторический персонаж — ваш Иван Грозный. Когда вы впервые сыграли русского самодержца и какие чувства при этом испытывали?

— Когда мне дали пьесу "Смерть Иоанна Грозного", я пошел в церковь и поставил свечку. Хотел, чтобы Господь Бог не был так суров к нему, потому что, если подумать, сколько он сделал для России... Другие правители столько душ загубили, что они с Грозным в жестокости не сравнятся. А когда репетировал второго Грозного в "Князе Серебряном", открыл для себя другого царя. Многие поняли, когда читал, как он, мальчишка, сидел под столом, а бояре пировали и бросали ему, как собаке, кости. И он это доедал. Они его таким жестоким воспитали.

Потом он очень долгое время ездил без охраны и только после первого покушения на него взял сопровождение. Да, можно сказать, что он ни одного сражения не выиграл, но все равно такое ощущение, что если бы не он, не было бы ни Петра, ни Екатерины... В общем, Грозный — это особая ипостась.

— А какая у вас вообще была первая роль в Малом театре?

— Играл самого Шекспира в пьесе Алешина "Человек из Стратфорда".

— Простых-то людей вы играли? А то все цари да поэтические гении...

— Играл предателя Илью Рамзина в пьесе Бондарева, за нее мне дали Государственную премию. А за царя премии нет.

— Неписанный закон Малого театра — молодых воспитывают на сцене старики. Кто вас воспитал?

— Когда я играл Чацкого, Фамусова играли четыре корифея — Царев, Ильинский, Хохлаков и Светловидов. Вот Светловидов, когда играл героев, сорвал голос, перешел в разряд характерных. И когда мы, студенты, восторженно смотрели на него, он сказал нам: "Детки, вот если бы вы так восторженно на меня не смотрели, я бы играть не мог". Анненков — мой учитель, он был первым руководителем курса, где учились Даль, Павлов, Кононов, Фомина, Виталий Соломин — во курс был! Все делали. Рассмешить могли, и неправда, что только серьезное выражение лица присуще Малому театру. Смешить, раскалывать — в этом тоже есть творчество. Пашенная, например, была

очень смешливая.

Никита Подгорный такое мог выкинуть на сцене, что никто не мог удержаться. Однажды на спектакль по Оскару Уайльду пришел Рубен Симонов. Никита не выходил из своей гримуборной, заперся там, а когда появился на сцене, все упали — у него был грим один к одному симоновский. Или я, тогда молодой актер, был занят у Ильинского в "Ревизоре", с Соломиным стояли в массовке. И как-то я пропустил утренний спектакль. "Вот, Барышев не пришел..." — подняли шум в театре. "Никому говорить не надо. Где его костюм?" — спросил Подгорный, он тогда уже был народным артистом. И надел купеческий костюм, загримировался. И когда его в моем костюме увидел Весник, сказать ничего не смог — народный артист стоял в массовке. Вот такой у нас театр.

— Малый театр всегда гордился своей школой речи — низкие красивые мужские голоса...

— Пашенная говорила: "Нужно, чтобы все видно было и все слышно, а уж остальное — ваше дело". А Бабочкин говорил по-другому: "Хорошо вы играть будете или плохо — это посмотрим, а то, что вы играть будете правильно, — я вам отвечаю". Прекрасная у них была речь.

— Все знают, что вы рисуете. Ришелье не нарисовали?

— Ивана с меня рисовали мои друзья. Есть из "Князя Серебряного" два портрета. Художник Миронов нарисовал такой, что мои родные заставили его увезти из дома, сказали: "Очень давит". И я увез его на дачу. Когда у меня не было работы в театре (в простое был примерно пять лет), я начал рисовать, стихи писать. В реалистической манере — пейзажи немного, композиции с людьми. А стихи... Это как любовь на сцене — если ее нет, ее сыграть невозможно.

— Каждый артист знает цену своим возможностям. Что вам лучше удается играть на сцене — власть, любовь или что-то другое?

— Когда я играл Шекспира, про меня говорили: "Он не играет любовь, она есть на сцене". Или что значит власть? Вот я сейчас репетирую Ришелье — вроде кардинал, государство в руках держит, а мне хочется, чтобы он как Иван Грозный был на сцене — человек. Слабый, сильный, жестокий... Вот Грозный, он вдруг начинал ласково говорить, все понимали, что сейчас задумит... Шентал: "Ты смелая, боярыня, смелая..." И все, конец ей.

— Я понимаю, что вы влюблены в своих героев и будете защищать их даже на самом страшном суде. Будете?

— Буду, потому что он не то что говорил, он все делал для страны, для Франции. Флот — это Ришелье, Испания — это Ришелье.

— Ну да, величие — на костях. Вопрос вопросов — цель оправдывает любые средства? Ведь сколько судеб сломано, сколько жизней загублено — хоть на строительстве Петербурга, хоть на строительстве сталинских гигантов или на войне в Чечне.

— Не знаю... Судьбы ломаются... Но король Франции, который боялся Ришелье, когда тот умер, сказал: "Какой великий политик умер".

— Приятно носить одежды знатных особ?

— Тяжелые они.

Марина РАЙКИНА.